

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. БЛОКА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ

«С Александром Блоком мы были в родстве: его отец — родной брат моей матери. Мы родились в один год. Должно быть, именно поэтому Саша был ближе ко мной, чем с моей сестрой Ольгой.»

Нас связывала еще провявшаяся у обоих с ранних лет любовь к стихам. Нам было по восьми лет, когда мы начали переписываться стихами.

Хоть оба мы жили в Петербурге, однако семьи наши не бывали друг у друга: наша бабушка, Ариадна Александровна Блок, которая жила с нами, не могла простить матери поэта ее уход от Александра Львовича, ее обожаемого старшего сына, и отношения были порваны.

Но та же бабушка передавала мне как-то стихи, написанные Сашей, и велела ответить ему тоже в стихах. Переписка эта, не подогреваемая свиданиями, скоро прекратилась.

В 1890 году мы уехали из Петербурга и вернулись туда в 1895 году осенью. Очень скоро после нашего приезда (жили мы на Новосааконьской улице) перед обедом раздался звонок, и вошел худенький, невысокого роста гимназист. Это был Саша Блок. Он сказал, что пришел сообщить бабушке. Бабушка уведла его к себе в комнату, но пообедал он с нами. Во время обеда был тих, но не застенчив, охотно отвечал на вопросы с характерной для него уж и тогда манерой говорить замедленно, словно цедя слова сквозь зубы.

Осенью 1898 года он явился к нам в студенческом сюртуке, возмужавший, оживленный. В эту зиму у нас собиралась по субботам молодежь: увлеклись музыкой, пением, декламацией, и Саша стал постоянным членом этих собраний.

Внешне, я помню, меня поразила перемена в фигуре Саши: он как-то раздался в ширину, грудь стала выше, осанка увереннее. Приходил он к нам всегда в студенческой форме. Таким он и запечатлелся в моей памяти, несмотря на позднейшие встречи.

Все мы очень любили его. Он очаровывал нас своей милой простотой, чудной улыбкой. И уж ни капли не было в нем унылости, даже вялости. Он от всей души веселился и смеялся, но все это было несколько другого, чем у нас,

О Софье Николаевне Тутолминой (1880—1967)—двоюродной сестре поэта Александра Блока и ее семье я слышал очень давно от своих родных и близких—людей старшего поколения. Мать С. Н. Тутолминой—Ольга Львовна была родной сестрой Александра Львовича—отца поэта.

В свое время Софья Николаевна закончила фортепианный факультет Петербургской консерватории и посвятила искусству всю свою жизнь. Руководила художественной самодеятельностью, собирала фольклор.

У Софьи Николаевны были сестры: Ольга, Мария и братья—Кирилл, Николай и Лев. Из всех в живых осталась сейчас одна только Мария Николаевна (живет ныне в Москве). В 1916 году Софья Николаевна вышла замуж за

Николая Николаевича Тутолмина — врача-невропатолога.

Внук Софьи Николаевны—Николай Васильевич Тутолмин (внучатый племянник А. А. Блока), ленинградец, инженер по профессии, женился на моей родной сестре Екатерине Сергеевне. Так мы породнились с семьей Тутолминых. Воспоминания Софьи Николаевны об Александре Блоке, которые еще не публиковались, стали нашей самой дорогой семейной реликвией, большой ценностью, которой хочется поделиться с читателями «Призыва» в канун столетия со дня рождения великого русского поэта.

М. КОНШИН,
преподаватель Владимирского
культурпросветучилища.

председательницы теософского общества и рассказала Саше, как меня поразила обстановка ее квартиры: все отделано голубым с серебром, посреди комнаты огромный стол с большими серебряными канделябрами, голубая с серебряной бахромой скатерть и т. п.)

— Ты называешь мою жизнь мрачной, — продолжил он, я люблю эту мрачность и считаю кощунством радоваться и быть счастливым в наше ужасное время. Мы говорили с ним больше часа. Мы не касались внешних событий его и моей жизни, происшедших за те 14 лет, что мы не виделись, а делались только тем, что накопились у нас за это время на дне души. Я поняла, что этот человек ушел от меня далеко, что он живет уже не своей личной жизнью, а жизнью своей страны, что в своем сердце он носит судьбу многих и многих людей.

Мне было радостно наблюдать, как под действием юношеских воспоминаний складывается его лица скорбные складки и лицо освещается светлой улыбкой прежнего Саши Блока.

Меня поразило, что в его комнате не было, кажется, ни одного портрета его жены, но об его семейной и личной жизни я, разумеется, не стала его расспрашивать.

Через несколько дней состоялась наша свадьба. Когда мы с мужем приехали в церковь (против Царскосельского вокзала), Саша был уже там. На нем был черный сюртук (дома он встретил меня в какой-то куртке с отложным мягким полотняным воротничком). Он был огорчен, что с нами приехали еще четверо наших близких родных и даже мягко упрекнул меня в том, что я его обманула. Я объяснила ему, что это вышло случайно. Он один держал венец над моей головой, и я чувствовала, что делал он это с любовью.

После свадьбы он наотрез отказался ехать с нами ужинать. За ужином у всех в бокалах вместо вина были живые розы. Все присутствующие соединили их в один огромный букет, и мы с мужем завезли его Саше на квартиру с приветственной запиской. А на другой день я получила от него то прекрасное письмо, которое было напечатано десять лет назад в журнале «Русский современник» и перепечатано нынче в новом издании Блока. На конверте он написал мою новую фамилию и таким образом нарушил нашу «тайну».

Больше я его не видела.»

темпа. Как сказали бы теперь, он был не «физикультурен». «Вырос один в семье» — так объясняли себе это мы.

В одну из суббот Саша выступил у нас как декламатор — прочел «Сумасшедшего» Апухтина и с таким мастерством, что мы все были поражены. «Ножки ее целовал, ладные ножки, худые» — эти слова он произносил почти со слезами: губы у него дрожали при совершенно неподвижном лице. Это выступление сразу подняло его во мнении нашего общества: мы увидели в нем художника, который был выше всех нас.

В следующем году Саша явился осенью совсем какой-то другой — увлеченный Шекспиром и летними спектаклями у Менделеевых. Он охотно читал нам свои монологи. Особенно хорошо выходил у него монолог Отелло: «Она меня за муки полюбила, а я ее за сестранданье к ним...». Эти слова он произносил превосходно: очень тихо, как будто монотонно, но с большим внутренним напряжением.

Вижу его и сейчас, как живого, в нашей гостиной, окруженной притихшей толпой влюбленной в него молодежи. Он стоит, взявшись руками за спинку стула. Голова поднята. Ореховые глаза полузакрыты. Красивый рот выговаривает слова как бы с усилием, сквозь зубы, и подбородок выдается при этом немного вперед.

Нас увлекало и мужавшее его мастерство, и сам он, но мы начинали испытывать ревность. Мы почувляли, что художественная сторона его природы нашла себе новую пищу, где-то вне нашего круга. Он любил нас по-прежнему, но от нас ничего уже не брал, а, напротив, приносил к нам нечто накопленное на стороне. Все

же личные свои переживания, как и всегда, скрывал.

Помню, как Саша в те ранние годы встречался у нас со своим отцом. Отец любил его расспрашивать об университетских делах, и они подолгу просиживали рядом за столом. Саша прямой, спокойный, несколько «навытяжку», отвечал немногословно, выговаривая отчетливо все буквы, немного выдвигая нижнюю губу и подбородок. Отец сидел сгорбившись, нервно перебирая часовую цепочку или постукивая по столу длинными желтыми ногтями. Его замечательные черные глаза смотрели из-под густых бровей куда-то в сторону. Иногда он горячился, но голоса никогда не повышал. Так сидели они, как старый раненый орел с орленком.

Однажды Александр Львович приехал из Варшавы очень расстроенным и сейчас же вызвал сына:

— Ты должен выбрать себе какой-нибудь псевдоним, — говорил он Саше, — а не подписывать свои сочинения, как я, — «А. Блок». Неудобно ведь мне, старому профессору, когда мне приписывают стихи о какой-то «Прекрасной даме». Избавь меня, пожалуйста, от этого.

Мне было глубоко жаль Александра Львовича, этого одинокого человека, который оттолкнул от себя двух женщин, хотя обеих любил. Но, любя, умел только мучить. Он приезжал два-три раза в год в Петроград из Варшавы и тогда «ходил по женам», как говорил сам с горькой усмешкой. Мне кажется, что дочь он любил больше, чем сына. Сын унаследовал и его замкнутость, и сдержанность, и любовь к одиночеству. Тяжело оно им обоим досталось.

Зимой 1915—1916 года я по-

сле долгой отлучки вернулась в Петроград.

Через несколько дней поехала к двоюродному брату. Повод для свидания был деловой. После нескольких лет вдовства я выходила вторично замуж. Мы решили венчаться негласно, позвав на свадьбу только двух свидетелей. Одним из них, своим, я наметила Сашу и написала ему, прося принять меня по секретному делу. Он немедленно назначил день. Это было в начале января 1916 года. Я пришла к нему в 5 часов вечера. Он сам открыл мне дверь. В квартире больше никого не было.

Комната, в которой он принимал меня, была темноватая, с простой кабинетной обстановкой. Мы сидели посреди комнаты за круглым столом. Когда я ему сказала, что его квартира кажется мне мрачноватой, он подвел меня к окну: — Зато посмотри какой вид! В окне виднелась речная даль с какими-то парусными суденышками (он жил на Пряжке, ныне улица Декабристов, 57).

Когда я изложила свою просьбу, он немедленно и очень охотно согласился быть моим шафером. Ему даже понравилась конспиративность нашей свадьбы.

Его отчужденность от людей произвела на меня тяжелое впечатление, и я решила это высказать:

— Если бы я была все время около тебя, ты был бы, может быть, другим.

— Да, возможно, что я мог быть счастливее, но я считаю, что человек в наше время не имеет права на счастье. Я дорожу своим одиночеством, а оно мне не мешает любить жизнь во всех ее проявлениях. Вот эта мелочная лавчонка, что видна из моего окна, говорит мне больше, чем вся искусственно создаваемая людьми мишурная красота, потому что в этой лавчонке сама жизнь. (Я была перед тем у